

Точка зрения

Сергей ЗАЛЫГИН:

СУДИТЬ
БУДЕТ ЧИТАТЕЛЬ

Выдающийся советский писатель Сергей Павлович Залыгин недавно возглавил журнал «Новый мир». Эта беседа — о планах журнала и о некоторых вопросах жизни литературы.

— Интерес к «Новому миру» всегда был высок. Тем более он возрос сейчас, когда читатель так много ждет от литературы: как отзовется она на происходящие перемены в жизни, какое место займет в современном общественном процессе? В связи с этим — конкретный вопрос: чем богат сегодня редакционный портфель?

— Скажу сразу: я получил организованное хозяйство, пять номеров вперед было сформировано. Это не значит, конечно, что от журнала не требуется никакой перестройки. Требуется. Как, впрочем, и повсюду в нашей жизни.

Вот, к примеру, отделы публицистики и критики (то есть опять-таки публицистики, только литературной). Они далеко еще не соответствуют требованиям времени, недостаточно отражают это время и его проблемы. Да и место самой литературы в общественной жизни выявляется не полно, не четко. К примеру, Иссек-Кульский форум — разве еще два года назад могла бы реализоваться подобная идея? А разве могли писатели сыграть такую роль, какую они сыграли и играют в области экологии природы и экологии культуры? А разве какой-либо из предыдущих съездов писателей привлекал такое же внимание общественности, как VIII съезд писателей СССР?

— Кстати, Сергей Павлович, после съезда образован новый орган — бюро секретариата правления Союза писателей СССР. Вы — член этого бюро. Удалось ли что-нибудь сделать с июня, когда оно было создано?

— Откровенно говоря, я еще не вижу того практического дела, ради которого и было создано это бюро. Главная его задача — двигать вперед нашу словесность, видеть и поддерживать ведущие тенденции литературного процесса. Есть у нас и, так сказать, оперативные дела. Например, влиять на кадровые вопросы: на различные назначения, перемещения, на состав ре-

дакций литературных изданий, ведь очень важно не ошибиться, кому что поручить. Наверное, мы могли бы выработать рекомендации, скажем, о серийных изданиях, о выпуске собрания сочинений. Наконец, важная забота — совершенствование авторского права и осуществление тех его норм, которые действуют сегодня. Но главное — создание действительно творческой обстановки в нашем союзе. Общество в поисках своего нового облика интенсивно использует литературу, а значит, и Союз писателей. Но сам-то Союз писателей все еще остается организацией слишком неподвижной, его облик как бы застыл и меняется недостаточно. Последствия этого пока малозаметны, но пройдет год-другой, и мы хватимся, заговорим об упущениях...

Общество наше усиленно ищет средства выражения своего мнения, своих проблем и чаяний, и где же оно эти средства найдет, как не в искусстве, как не в литературе прежде всего? На эти новые условия и требования должны, мне кажется, отреагировать в первую очередь такие жанры, как публицистика и критика. Пока что наша критика идет по удобному (для нее самой) пути: выдвигается какой-то девиз, скажем, «Писатель и время», «Становление характера», «Воспитание нравственности», а затем рассматривается сразу десяток романов и повестей с точки зрения их соответствия этому девизу. Мне думается, это не только не научный, но и отнюдь не литературный прием, это — камуфляж критики, а не критика. В самом деле — почему писатель должен соответствовать замыслу критика, а не своему собственному? Это тем более странно, что замысел писателя то и дело оказывается гораздо более объемным, чем требования иного критика.

Еще я думаю, что критика наша (это относится к «Новому миру» тоже) почти полностью игнорирует эстетику художественного произведения. То есть она говорит о сюжете, о социологии, о соответствии проблемам народного хозяйства: все это нелишнее, но где при этом душа художественного произведения — его эстетика? О душе разговора и нет...

— Возвратимся к журналу. «Новый мир», будучи изданием несколько академическим, всегда стремился печатать капитальную прозу, с расчетом на то, что она будет иметь ценность и сегодня, и лет через десять...

— Мы можем обещать читателю, что наш журнал таким и останется. В первых двух номерах за 1987 год пойдет роман Даниила Гранина «Зубр», произведение почти документальное — о жизни и деятельности ученого, о его трудной судьбе. Из произведений современных авторов вызовет интерес повесть ленинградца Сергея Базунова. По стилю она несколько напоминает Экзюпери. Название — «Море-плаватель», подзаголовок — «Комментарии к ненаписанному рассказу». Наша проза все больше обращена к глобальным проблемам жизни, так сказать, к макрокосмосу, мы перестали замечать предметный мир нашего быта. Небрежно относимся к вещам: купили, поносили, бросили... Не знаем цену воде, энергии, а ведь это тоже окружающий нас мир... Эту повесть эссе мне рекомендовал академик Лихачев, он же написал и предисловие к ней.

Только что я прочел повесть Александра Трифоновича Твардовского, над которой он работал в 1932—1933 годах и которую сам называл неудавшейся в том смысле, что ему не удалось ее дописать. Это великолепное письмо. Уже как я хорошо знал Твардовского, но когда прочел ее, по-новому понял, почему он был прекрасный поэт: потому, что был прекрасный прозаик! Мы благодарны Марии Илларионовне Твардовской за то, что она отдала эту повесть нам. Она же подготовила текст и прокомментировала его. В общем, так: проза на 1987 год у нас есть. И — серьезная.

— Вы сказали однажды, что роман о сегодняшнем дне вряд ли будет написан сегодня же. В этом ваше недоверие к скороспелкам? Строгость в отношении всякой торопливости? И все-таки: проза о событиях нашего времени — есть ли она в портфеле журнала?

— Современная тема у нас, конечно, звучит — и в антивоенном романе Алеся Адамовича, и в повести Андрея Битова, в которой выведен своеобразный человеческий характер, и в небольшой вещи Владимира Маканина — она называется «Утраты», в ней переплетаются и далекое прошлое, и наши дни, — и в обещанных журналу новых произведениях Ч. Айтматова, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина. Если говорить о публицистике, то на первых порах выполнение этой задачи я взял на себя: в первом номере печатается моя статья по проблемам экологии.

Не определился еще портфель отдела поэзии...

— Интересно, что, кроме вашего непосредственного предшественника Владимира Карпова, редакторами журнала были поэты — Симонов (хотя у него есть и романы, повести), Твардовский, Наровчатов. И вот сейчас редакторами становятся прозаики...

— Твардовский, помню, с пристрастием относился к публикации стихов, у него были к ним свои требования. Думаю, что и прозаик требования к поэзии не снизит...

— А статьи об искусстве? К примеру, об экранизациях, об инсценировках. То есть — о жизни литературы в других видах искусства. Предполагает ли журнал включиться в эту область?

— Мечтаем об этом. Журнал должен выполнять не только культурно — просветительскую функцию, но еще и литературно-мировоззренческую. Мы должны говорить о мировоззрении через литературу или о литера-

туре в свете мировоззрения, о философских проблемах нашего времени. И не отвлекаясь, а опять-таки через писательскую практику.

— На совещании заведующих кафедрами общественных наук была высказана мысль о необходимости добиться крупных интеллектуальных побед, существенно продвинуться вперед в осмыслении новых явлений и процессов жизни.

— Это совершенно обязательно и по отношению к литературе. Необходимо, в частности, выяснить, что считать открытием в литературе и искусстве, а что — хождением по кругу. Возьмите эстетику советской прозы 60—70-х годов: пора подвести итог этого периода в развитии нашей литературы. В чем ее эстетическое отличие от прозы, положим, 50-х годов и довоенной? Как же много мы теряем с потерей эстетических критериев! И как много приобретает при этом пресловутая «серая» литература, создаваемая не только малоопытными, но и по-своему многоопытными писателями...

А как важно разобраться в том, что происходит у нас в театре, кино! Наверное, уже 10—15 лет, как театр во многих случаях обходится без драматургов, хотя и драматургии сейчас довольно активно работают. Родилось целое направление — проза на сцене, когда режиссер, минуя драматурга, переводит прозу на язык театра для себя и своей труппы. Однако мы никогда не видели, чтобы пьесу переложили прозой. Здесь одностороннее движение. Но очень интересное.

— На совещании подчеркивалось еще: когда оскудевает духовное начало в человеке и обществе, неизбежно усиливаются потребительские настроения, эгоизм, беднее становится внутренний мир. Есть ли в портфеле редакции произведения, смысл которых сопряжен с нравственными проблемами нашей жизни?

— Настоящее произведение всегда выполняет именно эту, нравственную, задачу. Думаю, что тут слово в первую очередь за публицистикой. Хочу обратить внимание на записки учительницы Ирины Черваковой. Она никогда раньше не печаталась. Увлеченная проблемами воспитания детей и подростков, она уехала из Москвы в Красноярский край и там несколько лет работала в школе для детей с изломанной судьбой, скажем так. В ее записках разговор выходит далеко за рамки этой школы, этих детей, он — о нашей духовной жизни. Это действительно хорошая вещь.

Ну, а чем хорошая вещь отличается от плохой? В плохой вещи масса лишнего.

А что есть вдохновение, творческий порыв? Это же в конечном счете скорость мышления, напряженность мысли, ее концентрация и лаконичность. Когда этой концентрации нет в произведении, оно не художественно, пусть в нем и слова правильные, и проблемы актуальные, и все как «надо».

— Считаете ли вы, что у «Нового мира» есть свой читатель? Каков он?

— Я думаю, что наш читатель — прежде всего человек серьезный, интересующийся сложными проблемами жизни, искусства. Нас читают люди, которые любят читать. Независимо от того, рабочий это, инженер, врач или ученый. Их нельзя отпугнуть трудностями, сложностями чтения. Наоборот, им интересно преодолевать трудности восприятия, они хотят размышлять вместе с автором, соглашаться с ним или не соглашаться.

Вот письмо из вчерашней почты. Пишет шахтер. Чувствуется, что он не профессионал, но вполне четко представляет себе общественную роль литературы. Интеллигентность у нас зависит не от происхождения человека, а от воспитания и самовоспитания. Для различных специальностей есть профессиональные журналы. А наш — литературно-художественный и общественно-политический.

— Есть все-таки одна группа читателей, которая требует особого, что ли, подхода, особых тем, героев. Это молодежь.

— Уверен, все проблемы, которые волнуют так называемых взрослых читателей, одинаково волнуют и молодых. Порой они делают из наших произведений куда более глубокие выводы, чем даже люди старшего поколения. У них нет усталости общения, усталости от собственного опыта: они только ищут его. Но как хорошо было бы, если бы молодой писатель написал о молодых! Пока у нас такого произведения нет.

— Личность редактора литературного журнала наверняка откладывает свой отпечаток. Хотелось ли вам иметь «свой» журнал — свой в том смысле, чтобы проводить в нем свою линию в литературе, отстаивать эту линию, которую вы понимаете как свою партийную, общественную обязанность и которая вместе с тем является личной, выношенной за долгие годы?

— У нас большая и разнообразная литература — это так.

Но этого мало — она должна быть еще и новой. Прежде всего, конечно, в смысле современных тем и проблем. Скажем условно: тема науки — какое огромное и противоречивое значение она ныне приобретает! Об этом надо писать, это надо осознать. Если же такое осознание потребует новых литературных форм, значит, надо будет искать и создавать и эти формы. В новой форме должна быть реальная необходимость — тогда она оправдана.

Я лично питаю пристрастие к книгам о науке, о людях науки, но вот научная фантастика меня не занимает, детектив не занимает. Для меня главный вопрос в том, как существует и эволюционирует в современной литературе традиция, классика. Я убежден, что без традиций нет культуры.

— «Новый мир» не часто, но печатал зарубежных авторов. А как будет сейчас?

— Подготавливаются Бёльль, Кейси, хотелось бы напечатать кое-что из современной венгерской литературы, у них очень хорошая проза.

— А что вы скажете относительно писателей из братских республик?

— Мы — всесоюзный журнал и потому не вправе уходить от картины всей советской литературы. В «Новом мире» печатались Быков, Айтматов, Чидлазе, Гончар, Матевосян... Но тут есть такая тонкость. Мне уже звонили из одной республики: что-то давно, мол, от нас никто не печатался?! Но мы публикуем не представителей республик, а произведения, ставшие серьезным фактом многонациональной советской литературы. Будем эти серьезные вещи искать.

— Как видится вам «Новый мир» среди других толстых журналов?

— Тут все дело в авторах: кто в какой журнал пойдет. О каких-то итогах можно будет говорить лишь в конце следующего года. Многие журналы напечатать за это время новые вещи, и что окажется интереснее — судить читателю.

— А чем занят сейчас Залыгин-писатель?

— Залыгин-писатель занят журналом «Новый мир».

— И все-таки о ваших планах?

— Сейчас я в основном занят публицистикой, за год написал более 20 статей. Есть и два новых рассказа, причем сатирических. Роман не пишу — отложился...

Беседу вел
Г. МЕЛИКЯНЦ.